

**Речь
Федерального Президента Йоахима Гаука
на Почетном кладбище советских жертв войны
в память о страданиях советских военнопленных
06 мая 2015 г.
в г. Шлос-Хольте-Штукенброк**

Послезавтра исполнится 70 лет со дня окончания Второй мировой войны в Европе: того смертоносного ужаса, исходившего от Германии.

Закончилась, наконец, война,
разорившая наш континент,
в которой были убиты евреи Европы,

в течение которой погибли миллионы солдат и мирных жителей,

вследствие которой во многих странах миллионы были изгнаны со своей родины,

в результате которой Европа, в самом её центре Германия, были разделены в течение полувека.

Эта война закончилась лишь тогда, когда западные союзники и Советский Союз совместно принудили Германию к капитуляции и тем самым освободили нас, немцев, от нацистской диктатуры. Мы, потомки в Германии, имеем полное основание быть благодарными за эту самоотверженную борьбу наших бывших противников на востоке и западе. Она дала нам возможность свободной и достойной жизни в нынешней Германии. Кто бы не был благодарен за это?

На этом месте, в Шлосе-Хольте-Штукенброке, мы в этот час напоминаем об одном из самых крупных преступлений этой войны: миллионы солдат Красной армии были лишены жизни в военном плену в Германии: они гибли вследствие болезней и голода, их убивали – миллионы военнопленных, которые согласно

международному военному праву и международным договорённостям находились под опекой Вермахта.

Их принуждали к длительным пешим маршам, ссылали их в открытых грузовых вагонах в так называемые приёмные и сборные лагеря, в которых поначалу не было практически ничего – ни жилья, ни достаточного продовольственного снабжения, ни санитар-но-технической инфраструктуры, ни медицинского обслуживания – ничего. Они были вынуждены копать ямы; в нужде строить бараки, отчаянно пытались выжить кое-как. Затем многих из них принуждали к работе, которую они, ослабленные от голода, зачас-тую пережить не могли.

Несколько сотен метров отсюда был расположен лагерь военнопленных «Шталаг-326 Зенне». Здесь находилось более 310000 военнопленных. Очень многие из них погибли, десятки тысяч похоронены здесь.

О чем говорят цифры? Совсем о малом, но тем не менее, они дают нам представление об ужасах и немилосердном обращении с советскими солдатами в военном плену в Германии. Сегодня следует исходить из того, что из более 5,3 миллиона советских военнопленных погибло гораздо больше, чем половина. Миллионы судеб, миллионы имён, миллионы историй жизни. Среди них были русские, украинцы, белорусы, киргизы, грузины, узбеки, казахи, туркмены: солдаты всех народов, которые в то время входили в состав Советского Союза.

А если мы обратим внимание на то, что случилось с военнопленными западных союзников, из которых в плену погибло около трёх процентов, то заметим эту огромную разницу: в отличие от войны на западе национал-социалистический режим на востоке с самого начала планировал мировоззренческую войну и войну на уничтожение и истребление, которую они, как правило, и вели. Давайте вспомним в качестве примера эту ужасную многолетнюю блокаду Ленинграда с целью истощения от голода многомиллионного города. Давайте вспомним жестокость по отношению к мирному населению во всех оккупированных странах, но особенно в Советском Союзе. Это произошло сознательно и умышленно и по категорическому приказу Адольфа Гитлера. Вермахт послушно выполнил эти приказы. Начальник генштаба Гальдер сформулировал в мае 1941-го: «Необходимо забыть о понятии товарищества между солдатами. Коммунист не должен рассматриваться как товарищ ни до, ни после боя.» Соответственно следовало поступать и с пленными, и это по сей день неизгладимо запечатлелось в памяти у народов бывшего Советского Союза.

Когда Советский Союз в самом начале войны проявил готовность заключить с Германским рейхом через Красный Крест договорённость об обращении с военнопленными, то Гитлер резко

отверг это предложение и сделал всё для того, чтобы с помощью миллионов листовок о его отказе стало известно и его солдатам. Потому что у него была цель, и она была однозначна: ни один немецкий солдат не должен был поверить в то, что в советском военном плену он мог бы иметь хоть какой-то шанс на выживание. Все должны были воевать до последней капли крови и не сдаваться ни в коем случае. К судьбам солдат, всё-таки попавших потом в плен, главнокомандующий относился совершенно равнодушно.

Давайте посмотрим на другую сторону. На другой стороне Сталиным был издан декрет: если советский солдат попал в плен, то он не воевал до последнего, и, стало быть, мог только дезертировать, будучи тем самым предателем. Поэтому по окончании войны судьбой очень многих советских военнопленных, выпущенных на родину, стало опять заключение в лагере или зачастую даже смерть. Мы можем лишь гадать, сколько матерей, сколько жён, сколько невест, сколько детей ещё напрасно ждали после конца войны, насколько для них было тяжело чтить память их погибших.

Но как немцы мы в первую очередь задаёмся вопросом о немецкой вине и ответственности. И нам остаётся констатировать, что многомиллионная смерть тех, кто погиб по вине Вермахта, представляет собой одно из самых крупных немецких преступлений Второй мировой войны. Многие ещё долгое время после войны не хотели этого замечать, но мы хотя бы сегодня знаем, что и Вермахт совершил тяжёлые и тяжелейшие преступления.

По различным причинам эта страшная судьба советских военнопленных в Германии никогда не дошла до сознания подходящим образом: она по сей день находится в тени памяти. Это может быть связано с тем, что немцы в первые послевоенные годы думали прежде всего о собственных погибших и пропавших без вести, так же как и о военнопленных, отчасти задержанных в Советском Союзе ещё до 1955-го года.

Это может быть обосновано и тем, что страшные кадры взятия востока Германии Красной армией перекрывали взгляд многих немцев на их собственную вину. Те, кто отводил взгляд и отказывался вспоминать через какое-то время, кроме того, получили подтверждение «правильности» своего мнения из-за политики оккупации и экспансии Советского Союза и из-за создания коммунистической диктатуры, далекой от права, диктатуры несвободы и эксплуатации в Советской зоне оккупации Германии. А в ГДР, правда, придавали огромное значение памяти нерушимой верности к братскому советскому народу, но, с другой стороны, предписанный сверху героический миф не оставлял места для эмпатии для тех, кто не был блестящим победителем, а жертвой, бесправным, побежденным.

В более поздние годы в Западной Германии и в объединенной Германии память о геноциде евреев и связанный с этим начинающийся стыд просто препятствовали рассмотрению других преступлений.

Однако при этом все преступления национал-социализма глубоко взаимосвязаны. Их всех объединяет один и тот же корень: они происходят из представления, что и среди людей действует право сильного, что сильный обладает правом решать о праве на жизнь других людей, о ценности, о малоценности их жизней. Таким образом, были выбраканы, унижены и убиты евреи, как и цыгане, затем инвалиды или гомосексуалисты. Таким образом позже были оклеветаны народы на востоке, которых называли «малоценными», в связи с чем с ними можно было поступать, не обращая внимания на гуманность и права человека или на правила международного и военного права.

В протоколе посещения лагеря военнопленных министром пропаганды Гёбельсом правительственный чиновник фиксирует следующее:

«Цель данной поездки должна состоять в том, [...] чтобы показать представленные в новостях недели недочеловеков в натуре. [...]

Поездка не привела к желаемому результату по причине того, что пленные были почти исключительно белорусами и поэтому обладали вполне человеческой внешностью.

[...]

Их обеспечивают весьма малым питанием, день и ночь у них нет никакой защиты от непогоды. На мой взгляд, эти пленные всё равно сдохнут за проволочным забором».

Гибрис, бред всемогущества, миф превосходства, цинизм: они являются признаками национал-социалистической идеологии, а также национал-социалистической преступнической практики.

Мы до сих пор потрясены, когда видим, как в течение короткого времени обычные мужчины и женщины, раз отравлены этой идеологией, могли быть сделаны совинновниками практики угнетения, а некоторые даже стать безжалостными мучителями и убийцами.

Мы стоим здесь, вспоминая это варварское беззаконие и нарушения всех правил цивилизации. Мы напоминаем о них во имя гуманности, во имя равенства и достоинства, достающихся без различия всем тем, кто носит человеческий облик. От имени прав человека, которые нас обязывают, которыми мы руководствуемся и за действие которых мы выступаем, стоим мы здесь.

Мы здесь собрались в месте, где с первого взгляда незаметны масштабы событий, ставших поводом для нашей встречи. Памятные камни маркируют начало рядов могил, давно заросших травой. Кажется, что прошедшее с тех пор время изгладило всякое зримое либо осязаемое воспоминание о том, что тогда люди здесь свершили над другими людьми.

Так же как мы здесь в замке Хольте-Штукенброк должны напрягать нашу историческую память, чтобы представить себе на этом газоне то место ужасов для сотней тысяч людей, мы, пожалуй, вообще испытываем трудность вспоминать горе прошлого. Мы вспоминаем то, что должно было бесследно исчезнуть. Хотя бы перед нашим внутренним взором должно еще раз возникнуть то, что являлось здесь страшной реальностью, которая безвозвратно и неопровержимо доказана наличием фотографий, статистических отчетов, картотек, рассказов, показаний очевидцев, говорящих нам: это произошло здесь, в самом сердце Германии. И ведь это не просто как-то «произошло». Это было «сделано», это было «совершенно», запланировано и по злему умыслу, и это останется непостижимым навсегда. Людьми, с которыми у нас общие язык, происхождение и национальность. Людьми, чьи преступления сегодня являются частью нашей истории.

Мы должны напрячь нашу волю, чтобы выдержать правду, чтобы не поддаваться произвольной мысли о том, что все это не могло быть реальностью, все то, на что были способны люди здесь в «Шталаге-326» и в сотнях других мест по всей Германии, но это, тем не менее, действительно произошло.

Но нам нужно не только напрягать наш ум, задействовать воображение и расширять наши знания истории. Мы должны – в первую очередь и в конце концов – раскрыть наше сердце, нашу душу для того, во что нам едва хочется верить. Ведь речь идет о настоящей эмпатии, о настоящей памяти, охватывающей нас изнутри, затрагивающей наше сердце и нашу душу.

Я сегодня особенно благодарю всех, кто за последние годы и десятилетия выступал за такое повторное осознание и за такую эмпатию. Это были добровольцы, которые на общественных началах находили следы и хранили память.

Для того, чтобы не дать памяти засохнуть, существовала и существует инициатива «Цветы для Штукенброка», существует теперь благодаря неутомимой и преимущественно добровольной инициативе информационный центр. Существует образцово работающая ассоциация содействия, проводятся хорошо организованные экскурсии и выставки. Приезжающим издалека родственникам жертв, ищущим следы памяти о своих отцах и дедах, предоставляется заботливое сопровождение.

Человек, который сам находился здесь в плену Лев Франкфурт приехал сегодня сюда и сейчас возьмёт слово. Я очень тронут, что Вы сегодня здесь, господин Франкфурт. Это нечто вроде милостивого подарка нам, он вызывает в нас одновременно стыд и радость. Спасибо!

Присутствуют среди нас и члены семьи Базановых, чьи отец и двоюродный дед – Базан Эрдниев – был пленным в этом лагере и похоронен здесь. Мы только что немного помолчали на том месте, на котором Вы вспоминаете своего отца. Большое спасибо и Вам, дорогая семья Базановых, что Вы приехали в этот день, и я рад, что Вы сопровождали меня в этот день и находитесь среди нас.

К инициативам, свидетельствующим о проводимой здесь ценной работе, относится также секция по истории гимназии замка Хольте-Штукенброк. Имеется проект «Анне Франк» и межшкольный театральный проект. Все эти юноши и девушки взяли на себя задачу сохранить и передавать память. То же самое относится и к ученикам-полицейским, которые здесь проходят обучение и ясно осознают, что означает история этого места. Приехали сегодня также молодые солдаты бундесвера, для которых историческое сознание является само собой разумеющимся фактом.

Благодаря этим добровольным инициативам честных и неутомимых людей здесь, как и в других, аналогичных местах оказывалось и оказывается упорное, повседневное сопротивление забвению. И это хорошо, это часть нашей культуры. Присутствуют сегодня также представители организаций «Акция искупления - служба делу мира», «Против забвения /За демократию» и Германо-Российского музея Берлин-Карлсхорст. Вам и многим другим, кто в нашей стране самоотверженно трудится во имя воспоминания и сохранения памяти, я хочу выразить особую благодарность здесь и сейчас. Вы помогаете выполнить задачу, еще актуальную и через 70 лет после окончания войны: вывести из тени забвения и судьбы совестских военнопленных.

Мы стоим недалеко отсюда перед местом, которое принесло смерть и гибель, на котором оставили невидимый след крики, вздохи и стон измученных тел и душ.

Это одно из тех мест, где мы с болезненной интенсивностью ощущаем, что забота о погибших является долгом для живых. Так давайте в этот день, через 70 лет после окончания войны, выскажем нашу приверженность этому долгу. Давайте пообещаем друг другу сделать все от нас зависящее, чтобы обеспечить и защитить достойную человека, мирную жизнь.